

«Что карьеръ? Я ужъ старъ для карьера,
 Хоть не русскому офицеру,
 И не анненскому кавалеру
 Быть игрушкой модныхъ идей,
 Не боюсь осужденія людского,
 Не боюсь царя-я земного
 И не буду — шляхетное слово! —
 Мучить сихъ благородныхъ людей!»

Хороши и многіе другіе портреты, — образы Николая I, Наташи Рылѣвой, Сперанскаго. Одна изъ самыхъ трагическихъ, но изъ самыхъ достойныхъ страницъ русской исторіи развернута тутъ же со своей фактической, но внутренней, эмоциональной стороны. Сдѣлать это иначе, чѣмъ въ стихотворной формѣ, было трудно, или, быть можетъ, невозможно.

В. Вейдле.

Георгій Адамовичъ. «На Западѣ». Изд. «Совр. Записки». 1939.

Почти всѣ стихотворенія, вошедшія сюда, можно назвать вмѣстѣ «философскимъ діалогомъ», въ духѣ петрарковскихъ: бесѣда души со сродными душами — невзирая на всѣ различія индивидуальностей, моментовъ, стилей. Эта «диалогичность» стиховъ Г. Адамовича проявляется, всегда въ согласіи съ формой и замысломъ, на самые разнообразныя лады. То это прямая, котя и отрывочныя «цитаты» изъ Пушкина (стр. 7, нач. и конецъ), Лермонтова (Патронъ за стойкою, 3-ья строфа), то использование чужихъ образовъ, звучаній, рѣчечевого строя, причемъ иногда такъ, что въ одномъ стихотвореніи осуществляется со-гласіе двухъ или нѣсколькихъ «голосовъ». Такъ, напр., 1-ое стихотвореніе начинается прямой парафразой Блока («Ни съ кѣмъ не говори. Не пей вина. Оставь свой домъ, оставь жену и брата»), а заканчивается совершенно некрасовски звучащимъ стихомъ: «крестъ деревянный и вѣнокъ терновый» (Блокъ навѣрно сказалъ-бы вѣнецъ); конецъ вполнѣ «блоковского» сонета (Звенитъ гармоника) — «и смертная печаль здѣсь сѣмячки лущить...» удивительно близко къ строенію къ концу одного изъ сонетовъ Анненскаго: «...и съ пояснымъ поклономъ страхъ намъ свѣчи раздаетъ». Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Анненскій, Блокъ бесѣдуютъ у Адамовича съ Бодлеромъ — единственнымъ, кажется, изъ «чужихъ». Что касается «своихъ», то бьетъ въ глаза отсутствіе еще двухъ великихъ: Баратынскаго и Тютчева. Это — ключъ къ пониманію поэзіи Адамовича. Всякое искусство рождается изъ «тревоги» и является своего рода спасеніемъ отъ нея посредствомъ перехода въ «иной планъ бытія», касанія «иныхъ міровъ». Но есть различныя виды «тревоги» и различныя способы видѣнія «иного міра». Баратынскій и Тютчевъ — метафизики. Они обрѣли-бы успокоеніе отъ своего «искуса» (Тютчевъ), если-бы «Всемирный Духъ» открылъ имъ себя, или — если-бы кто-нибудь имъ доказалъ, что у «Сфинкса», дѣйствительно, «никакой отъ вѣка загадки

нѣтъ и не было». Тревога тѣхъ, съ которыми ведетъ свою бесѣду Адамовичъ, совершенно иной природы. Это прежде всего тревога совѣсти — индивидуальной и коллективной, тревога бл. Августина, ужась передъ однажды совершившимся и непоправимымъ зломъ, тема Маленькихъ Трагедій, Бориса Годунова, Пикової Дамы, Евгенія Онѣгина, Русалки. Есть вещи, съ которыми примириться, которыхъ понять — не «разумомъ», а вѣзмъ своимъ существомъ, нельзя. Нельзя понять измѣны Фонъ Палена (с. 52); нельзя примириться со смертью Пушкина. Стихотвореніе объ этомъ («По широкимъ мостамъ...»), самое волнующее и самое значительное изъ всего, помѣщенного въ сборникъ, выражаетъ то, что, должно быть, каждый испытываетъ, перечитывая біографію Пушкина или-же, напр., эпизодъ о смерти Пети Ростова: **знаемъ навѣрно, чѣмъ кончится, и все-таки — до послѣдняго момента не вѣримъ.** Переживаніе, изъ котораго вышла вся философія Шестова съ ея постулатомъ, обращеннымъ къ Богу: «сдѣлать бывшее небывшимъ». Но въ чемъ наше спасеніе? Въ выходѣ изъ жизни? Въ смерти? Но это не исходъ, а — **бѣгство.** Только въ томъ, о чемъ говоритъ Адамовичъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Одинъ сказалъ: Намъ этой жизни мало.
 Другой сказалъ: Недостижима Цѣль.
 А женщина привычно и устало,
 Не слушая, качала колыбель.
 И стертые веревки такъ скрипѣли,
 Такъ умолкали — каждый разъ нѣжнѣй! —
 Какъ будто ангелы ей съ неба пѣли
 И о любви бесѣдовали съ ней.

Это выходъ не изъ жизни, а изъ того, что мы привычно отождествляемъ съ жизнью, изъ «исторіи», съ ея неизбежными злодѣяніями, насиліями ради «достиженій»; это — способность понять, что кромѣ этого плана жизни, въ которомъ «намъ этой жизни мало», есть другой, но все-же **жизненный**, а не «метафизическій», тотъ, въ которомъ пребываетъ **Мать** — воплощеніе начала Вѣчно-женственнаго, начала ничего не требующей, никакой награды не ждущей Любви. Показательно для этого стихотворенія, что въ немъ нѣтъ ни одной «цитаты», ни одной реминисценціи; а также, что оно построено, въ отличіе отъ другихъ вещей Адамовича, для которыхъ характерно пользование современнымъ синтаксисомъ поэтическаго языка («придаточныя» предложенія безъ «главныхъ» и т. п.), въ соответствии со строемъ обычной, повседневной рѣчи. Это не случайно, и опять-таки эстетически осмысленно: это усугубляетъ впечатлѣніе освобожденія отъ усилий, отъ тревоги, впечатлѣніе «выхода», «катарзиса», обрѣтенія того, въ поискахъ чего металась душа.

П. Бицилли.